

Постоянное представительство
Российской Федерации
при Организации
Объединенных Наций

136E 67th Street
New York, NY 10065

Permanent Mission
of the Russian Federation
to the United Nations

Phone: (212) 861-4900
Fax: (212) 628-0252
517-7427

Rev

Check against delivery

ВЫСТУПЛЕНИЕ
представителя Российской Федерации
в Шестом комитете 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН
по пункту повестки дня «Доклад Комиссии международного права» (Темы:
«Преступления против человечности», «Императивные нормы общего
международного права (jus cogens)»)

30 октября 2019 года

Г-н Председатель,

Разрешите поблагодарить господина Штурму за обстоятельное представление доклада Комиссии международного права.

Российская Федерация придает большое значение деятельности Комиссии. Ее работа внимательно рассматривается в нашей стране и не только в Министерстве иностранных дел и профильных ведомствах. Продукты Комиссии с интересом изучаются научными кругами и национальными судьями.

Как и другие делегации, мы заинтересованы в высоком качестве продуктов Комиссии, поэтому нас по-прежнему беспокоит, что в последнее время повестка дня КМП становится все более перегруженной, а скорость разработки проектов опережает все ожидания.

Как представляется, цель Комиссии не заключается в том, чтобы как можно более быстрым способом ответить на все вопросы международного права, которые годами дебатировались в научных кругах. Важно, чтобы программа работы ориентировалась на запросы государств, а темп рассмотрения тем давал возможность государствам реагировать на проекты и быть частью процесса их выработки.

В настоящее время на повестке дня Комиссии находится девять тем. Возможно, имеет смысл сделать паузу в переводе тем из долгосрочной программы работы в текущую повестку дня Комиссии.

С большим интересом ознакомились с четвертым докладом г-на Мёрфи по теме **«Преступления против человечности»**, который ознаменовал завершающий этап рассмотрения Комиссией данной темы перед принятием проекта статей во втором чтении.

Выражаем признательность Спецдокладчику за вдумчивый и ответственный подход к работе. Отмечаем включение в доклад подробного анализа позиций государств, международных организаций и других структур. Это принципиально важно для работы Комиссии как уникального органа, представляющего воплощение мысли всех правовых систем мира.

Учет мнения и практики государств напрямую связан с востребованностью итогов работы Комиссии впоследствии. Это также является залогом сохранения авторитета Комиссии, базирующегося на объективном и беспристрастном подходе к рассмотрению самых разнообразных тем.

Приняли к сведению рекомендацию Комиссии Генассамблее ООН относительно дальнейшей судьбы проекта статей. Полагаем, что перспектива разработки конвенции, в основу которой они могли бы быть положены, требует обстоятельной оценки. На это потребуется время.

По рассматриваемому проекту статей у государств сохраняются предложения и замечания. Как известно, параллельно с проектом статей Комиссии существует отдельная инициатива, выдвинутая несколькими государствами, по разработке конвенции о международном сотрудничестве в расследовании и уголовном преследовании за геноцид, преступления против человечности и военные преступления. Ее текст во многом перекликается с проектом статей Комиссии. Разделяем опасения Спецдокладчика, что одновременная реализация двух проектов по сходной тематике может оказаться затруднительной, а в итоге ни один из них не увенчается успехом.

При этом, насколько можно понять, уже на следующий год запланирована дипломатическая конференция с целью принятия конвенции о правовой помощи. Принимая во внимание эти обстоятельства, стоило бы отдельно поразмыслить над форматом будущей работы.

Хотели бы прокомментировать положения проекта статей, которые могут стать потенциально проблемными в будущей работе над конвенцией.

Не видим необходимости фиксировать в преамбуле, что преступления против человечности «угрожают всеобщему миру, безопасности и благополучию». Ориентируясь на современные международно-правовые реалии, полагаем, что включение этой формулировки может потребовать указания на то, что ничто в проектах статей не должно толковаться как дающее какому-либо государству право на применение силы или вмешательство во внутренние дела другого государства.

Не уверены, что преступления против человечности следовало бы уже в преамбуле квалифицировать в качестве императивной нормы общего международного права. Насколько нам известно, практика квалификаций такого рода в международных договорных актах отсутствует. Насколько мы понимаем, подробного анализа на этот счет не проводилось.

Вместе с тем, закрепление императивного статуса нормы о запрете преступлений против человечности в части проекта, предваряющей его статьи, может быть истолковано как указание на то, что все его содержание обусловлено именно этим статусом.

Вряд ли целесообразно включать в преамбулу положение, «принимающее во внимание» определение преступлений против человечности, содержащихся в статье 7 Римского статута МУС. Определение преступлений против человечности закрепляется в рамках самостоятельной статьи, а в комментарии к ней указано, что ее текст основан на соответствующих положениях Римского статута.

С определением преступлений против человечности, как и с квалификацией их запрета в качестве императивной нормы, тесно связан следующий существенный момент.

Не секрет, что основной целью будущей конвенции является обеспечение эффективного межгосударственного сотрудничества в предотвращении преступлений против человечности и наказании лиц, виновных в их совершении, в национальных судах. Этого можно достичь лишь в случае, когда государства-участники будут связаны международными обязательствами по криминализации в национальном законодательстве преступлений против человечности в объеме, предусмотренном конвенцией.

Однако на данном этапе проект статей дает возможность более широкого определения преступлений против человечности (пункт 3 статьи 2). В связи с этим неясно, каковы будут последствия констатации императивного статуса нормы о запрещении преступлений против человечности для деяний, не перечисленных в статье 2, но присутствующих, например, в двусторонних или региональных международных договорах, а также во внутреннем законодательстве отдельных стран. На наш взгляд, этот момент требует дополнительного осмысления.

Поддерживаем гибкие формулировки статьи, предусматривающей уголовную ответственность юридических лиц, которые позволяют ориентироваться в этом вопросе на положения национального права (пункт 8 статьи 6).

Вместе с тем, даже в таком варианте это положение может стать препятствием для присоединения к будущей конвенции государств, правовые системы которых не наделяют юридических лиц уголовной правосубъектностью. Не знает института уголовной ответственности юридических лиц и правовая система Российской Федерации.

Не уверены, что сотрудничество государств, тем более с международными организациями, стоило бы рассматривать как часть обязательства по предупреждению (статья 4). Вряд ли превентивные меры требуют подобной детализации.

Формулировка «быстрое, тщательное и беспристрастное расследование» в отношении преступлений против человечности, содержащаяся в статье 8, может создать неверное впечатление, что для расследования таких преступлений должны применяться отдельные стандарты по уровню скорости, тщательности и беспристрастности.

Это же относится и к статье 11 - вряд ли зафиксированные в ней положения относительно «справедливого обращения с предполагаемым правонарушителем» по своему наполнению являются особенными или, иначе говоря, специальными в контексте обращения с лицом, совершившим преступление против человечности.

Исходим из того, что целью настоящего проекта статей должна стать помощь в налаживании сотрудничества между государствами по вопросам предупреждения и пресечения преступлений против человечности. Взаимодействие с учреждениями международной уголовной юстиции должно осуществляться на основании специальных соглашений, а в отдельных случаях - решений Совета Безопасности ООН. По этой причине отсылку к «компетентному международному уголовному суду или трибуналу» из статьи 10, закрепляющей принцип *aut dedere aut judicare*, следует исключить.

Считаем избыточным положение статьи 14, согласно которому государства могут рассмотреть вопрос о заключении договоренностей с международными механизмами, имеющими мандат на сбор доказательств в отношении преступлений против человечности. Исходим из того, что это право, наряду с правом признавать либо не признавать компетенцию таких учреждений имеется у государств в силу их суверенитета и в отдельном подтверждении не нуждается.

Кроме того, вынуждены отметить, что органы международной уголовной юстиции, включая МУС, на деле оказались крайне неэффективными и политически ангажированными. Их деятельность зачастую весьма далека от высоких стандартов правосудия, вызывает множество обоснованных вопросов и серьезно дискредитирует саму идею международной уголовной юстиции.

Теперь хотелось бы поделиться некоторыми соображениями относительно проекта выводов в отношении **императивных норм общего международного права (*Jus cogens*)**, принятых в этом году Комиссией в первом чтении.

Прежде всего, выражаем признательность Комиссии и Спецдокладчику г-ну Тлади за проделанную работу. Поддерживаем решение Комиссии не включать в проект отдельные выводы по вопросам, связанным с уголовной ответственностью и иммунитетами должностных лиц, так как они явно выходят за пределы обсуждаемой тематики.

Считаем верным отказ от самостоятельного проекта вывода о региональных нормах *jus cogens*.

Приветствуем исключение из формулировки вывода 16, посвященного соотношению обязательств, вытекающих из актов международных организаций, и императивных норм общего международного права, отдельного упоминания резолюций СБ ООН. Обратили, однако, внимание, что в комментарии к этому выводу, напротив, подчеркивается, что изложенный в нем подход в равной степени применяется и к резолюциям СБ ООН, имеющим обязательную силу.

Не видим необходимости уточнений такого рода. Это может способствовать смещению смысловых акцентов при толковании вывода Комиссии в будущем. Кроме того, вопрос о соответствии резолюций СБ ООН нормам *jus cogens* по-прежнему остается предметом скорее теоретических дискуссий, не подкрепленных какой-либо практикой. Такое понимание отражено и в материалах, представленных Спецдокладчиком.

По-прежнему считаем проблематичным включение в проект выводов механизма урегулирования споров, предполагающего обращение в Международный Суд (вывод 21, ранее проект вывода 14), несмотря на то, что соответствующая формулировка была усовершенствована.

В комментарии отмечается, что указанное положение основывается на статье 66 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, предусматривающей процедуру судебного разбирательства, арбитража и примирения. Не можем согласиться с этим утверждением по следующим причинам.

Вывод 21 предполагает задействование процедуры урегулирования споров не только в отношении положения договора, но нормы международного права в целом. В нем фиксируется, что инициировать такую процедуру может любое «заинтересованное» государство. Обоснованность подобных выводов сомнительна; каких-либо подтверждений для них в современном международном праве мы не видим.

По-прежнему не видим необходимости в фиксации в отдельном выводе элементов, призванных обеспечить такие дополнительные характеристики императивных норм, как направленность на защиту основополагающих ценностей международного сообщества и их отражение, более высокая иерархия по отношению к другим нормам международного права, универсальная применимость. На наш взгляд, они носят скорее описательный, нежели правовой характер. Комментарий к соответствующему выводу не содержит отсылок к возможной судебной практике или практике государств, которая раскрывала бы правовое содержание этих характеристик, позволяющее сформулировать определение нормативного характера.

Хотели бы подробнее остановиться на списке норм *jus cogens*, который рассматривался Комиссией в этом году и включен в проект в качестве приложения к выводу 23 «Неисчерпывающий перечень».

В целом считаем включение такого списка в проект выводов нецелесообразным. Тема императивных норм общего международного права изначально была заявлена как имеющая методологический характер, главная цель которой - установить процесс идентификации норм *jus cogens*.

Вместе с тем, большинство императивных норм, перечисленных в приложении, ранее Комиссией не изучались и не анализировались. Комментарий к выводу 23 сопровождает каждую из них краткими сведениями о том, в какой работе Комиссии они упоминались. Они все – из комментариев к статьям «Об ответственности государств за международно-противоправные деяния». Сомневаемся, однако, что факт упоминания Комиссией этих норм как, возможно, обладающих императивным статусом может служить достаточным основанием для их включения в перечень. Необходимо отметить, что в другом контексте Комиссия, в частности в комментариях к проектам статей «О праве международных договоров», квалифицировала как нормы *jus cogens* запрет применения силы, принцип суверенного равенства государств и другие принципы международного права.

В любом случае, едва ли пояснения в докладе вкупе с перечнем приблизят нас к главной цели разрабатываемого Комиссией методологического руководства – понимания того, каким образом можно установить императивный статус каждой из перечисленных норм самостоятельно.

При этом выработка Комиссией такого перечня может иметь далеко идущие последствия и нивелировать ценность остальной работы по данной тематике. Нетрудно предположить, что рассматриваемый проект выводов с высокой долей вероятности будет использоваться не для идентификации императивных норм, а в качестве доказательства наличия у нормы из перечня императивного статуса, либо об отсутствии одного у тех, что в перечне не поименованы.

Не разделяем подход, избранный для определения того, какая норма подлежит включению в перечень. Считаем, что следовало начать с анализа особой роли Устава ООН и содержащихся в нем целей и принципов для формирования норм *jus cogens*.

По итогам консолидированной работы Комиссии на этой сессии в комментарии к выводу 23 отражен тот факт, что Комиссия ранее ссылалась на важную роль Устава ООН, его целей и принципов для формирования императивных норм общего международного права. Однако, на наш взгляд, данный аспект требовал более глубокого анализа, либо же упоминания непосредственно в докладе.

Благодарю Вас, господин Председатель.